

Абрамов Федор Александрович

Валенки

У Косовых дом разодет, как невеста. На веревках вокруг дома развешаны яркие шелковые платья, задорно переливающиеся на солнце, всевозможные шали, полушалки, платки, ситцевые и шерстяные отрезки, одежда верхняя, обувь, меховые шапки.

По-старинному сказать - это сушка нарядов, от моли, от мышей, но в то же время это и смотр благосостояния семьи, приданого дочерей. И надо ли говорить, что Дарья Леонтьевна, хозяйка всего этого великолепия, сияет с головы до ног! Это ведь она все нажила, своими рученьками нажила - двенадцати лет от родителей осталась.

Я от души радуюсь вместе с Дарьей Леонтьевной и с удовольствием обхожу весь этот пестрый, пахучий парад и вдруг на видном месте, возле самого крыльца, замечаю два старых, растоптанных, без подошв черных валенка.

– А эти молодцы как сюда попали?

Дарья Леонтьевна молодо смеется.

– А от этих молодцов я жить пошла.

– Жить?

– Жить. Мне эти валенки в лесу дали. Первая премия в жизни. И вот жалко, никак не могу выбросить.

Дарью Леонтьевну прошибает слезой.

– Ох, как вспомнишь все свои стежки-дорожки, дак не знаешь, как и на сегодняшнюю дорогу вышла. Мне четырнадцать лет было, когда меня на лесозаготовки выписали. И вот раз прихожу в барак из лесу. «Новый год, говорят, Дарка, завтра у людей». Эх, думаю, и мне надо Новый год отметить. А как? Чем? У нас тогда, в войну, не то что хлеба, картошки-то досыта не было. А давай, думаю, у меня хоть валенки сухие в новом году будут.

Положила в печь, легла на нары. Думаю, полежу немножко, выну. А проснулась утром - в бочку железную бригадир колотит. Я вскочила, к печито подбегаю, заслонку открываю, а у меня от валенок-то одни голяшки. Сгорели. Жарко, вишь, топили печь. Стены-то в бараках худые - к утру все выдует, куржак в углах-то, зайцы белые. Я вся в слезах к начальнику лесопункта. Босиком. По снегу, как сейчас помню, - конторка напротив барака стояла. «Так и так, говорю, Василий Егорович, у меня валенки сгорели, что мне делать?» - «А что хошь делай, а чтобы к утру завтра была на работе. А то под суд отдам. Пошла домой - восемь верст до дому. Из шубы маминой два лоскута вырезала, ноги обернула да так и иду зимой по лесу. Пришла домой, а что возьмешь дома? Катя, сестренка младшая, в детдоме, изба не топлена, на улице теплее. Вот я села на крыльцо, плачу. Идет старичок, Евграф Иванович, конюхом робил. «Чего, девка, ревешь?» - "Валенки сожгла. Начальник сутки дал, а где я их возьму". - «Ничего, говорит, не плачь. Пойдем ко мне на конюшню, что-нибудь придумаем». Вот пришли на конюшню, тепло у дедушки, да я только села на пол к печке, прижалась, как к родной мамушке, и уснула. До самого вечера спала. А вечером меня дедушко Евграф будит: «Вставай, говорит. Ладно, нет, я чего скорестил». Я гляжу и глазам не верю: бурки теплые, эдаки шони из войлока от хомутов старых сшил. Я надела бурки да до самого барака без передышки бежала. В лесу темно, разве звездочка какая в небе мигнет, а я бежу да песни от радости пою. Успела. Не отдадут под суд. А через полгода, уж весна была, приезжает к нам сам. Секретарь райкома. «Говорите, кто у вас ударник».- "Дарка, говорят. Всех моложе девка, а хорошо работает». - «Чего хочешь? - говорит, это секретарь-то. - Чем тебя наградить-премировать за ударную работу на трудовом фронте?» - «А дайте, говорю, мне валенки».- "Будут тебе валенки. Самолучшие». И вот осенью-то мне валенки черные привез. Опять сам. Верный человек был. Раз уж что сказал - сделает. Я долго их носила. Бережливо. Первые-то пять только как выходные, а потом уж и каждый день, какие у меня эти валенки.